

Александр Куприн

ЮЗОВСКИЙ завод

Александр Куприн

Юзовский завод

«Public Domain»

1896

Куприн А. И.

Юзовский завод / А. И. Куприн — «Public Domain», 1896

«Было около полуночи, когда наш поезд подходил к станции Юзовке. Далеко на горизонте, за цепью холмов, виднелось на темном небе огромное зарево, то вспыхивавшее на несколько мгновений, то ослабевавшее. Оно обратило наше внимание еще тогда, когда мы находились верст за двадцать от Юзовки...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Иванович Куприн

Юзовский завод

Было около полуночи, когда наш поезд подходил к станции Юзовке. Далеко на горизонте, за цепью холмов, виднелось на темном небе огромное зарево, то вспыхивавшее на несколько мгновений, то ослабевавшее. Оно обратило наше внимание еще тогда, когда мы находились верст за двадцать от Юзовки.

На станции мы нашли экипаж, нечто вроде линейки, с сиденьями по обеим сторонам, поставленной на упругие дроги, заменяющие рессоры. Такой экипаж повсеместно на юге России носит ироническое название «кукушки».

Я и мой спутник Б. сидели рядом на одной стороне «кукушки», а на другой – спиной к нашим спинам – поместился очень грузный мужчина купеческого вида, в длинной чуйке, сапогах бураками и прямом высоком картузе, степенно нахлобученном на глаза.

С полверсты мы проехали молча. Наконец мужчина купеческого вида полуобернулся к нам и спросил:

– По службе на завод-то едете?

– Нет, – отвечал Б., – мы просто из любопытства... Слышали очень много про здешний завод... так вот хотим посмотреть...

– Тэ-эк. А сами-то вы будете из каких? По торговой части или тоже мастеровые люди?..

– Мастеровые. По электрической части, – храбро соврал Б.

– Тэк, тэк... Что ж, конечно, посмотреть всякому лестно. Такого заводища, пожалуй, во всей империи не сыщешь другого. Агра-амадное дело!

– Не знаете ли вы, сколько приблизительно рабочих занято на Юзовском заводе?

– Как вам сказать? В одних шахтах тысячи полторы народу работает, да месячных рабочих тысяч семь, да поденных еще сколько, да от подрядчиков... Тысяча двести подвод пароконных ежедневно работает... Трудно, конечно, с точностью сказать, сколько всего-то народу, однако люди говорят, что тысяч пятнадцать, а то и двадцать будет.

– Неужто так много?

– Да оно и не мудрено-с. Ведь вы подумайте только: пять домен и одна «вагранка»¹ к ним в придачу. А доменную-то как распалили, так она уже пять лет подряд и не тухнет, все ей и подавай и подавай есть. Ну, стало быть, работа ни днем, ни ночью не перестает. От шести до шести. Как отбарабанили дневные рабочие свою упряжку, двенадцать часов кряду, сейчас их ночные сменяют. И так целую неделю. А на другую неделю опять перемена: дневные ночными становятся, а ночные – дневными. И так устроено, что через одно воскресенье каждый рабочий свободен.

– А не знаете ли, какое жалованье получают рабочие?

– Жалованье! Жалованье разное идет. Мастер первой руки два рубля получает, два десять, два с полтиной, второй руки – полтора рубля, рупь. Поденным дают летом восемьдесят копеек, зимой – шестьдесят. Больше всех формовщики получают и монтеры², есть такие, что и по триста рублей в месяц берут. Эти больше из англичан... Страсть, какие расходы. Одного жалованья завод выплачивает в месяц тысяч до трехсот.

– Вот как! Какой же в таком случае у завода оборот должен быть?

– А вот-с какой оборот. В день завод приготовляет двенадцать тысяч пудов одних рельс; это если считать по один рубль восемьдесят копеек за пуд – выйдет двадцать одна тысяча шесть-

¹ Вагранка – печь малых размеров для плавления чугуна. (Примеч. А. И. Куприна.)

² Монтер – мастер, собирающий машины. Формовщик приготовляет форму для литья. (Примеч. А. И. Куприна.)

сот рублей в день. А кроме рельс, еще выделывают проволоку, узловое железо, литое железо, гайки, болты. Однако что вы думаете?

– рельсовое-то производство им ведь не больно выгодно, хотя они и получают от правительства субсидию, двадцать копеек на пуд.

– Куда же Юзовский завод поставляет рельсы?

– Главным образом в этом году на Московско-Курскую. На Сибирскую тоже. Ведь эти заводы в начале каждого года от правительства получают наряд: куда именно поставлять рельсы.

Некоторое время мы ехали молча.

– Большущее дело, – заговорил опять наш собеседник. – Вы знаете, сколько земли у завода? Шестнадцать тысяч десятин. Вся земля у светлейшего князя Ливена куплена. И любопытно, как это дело началось. Покойный Иваныч Юз после Севастопольской кампании служил простым котельным мастером в Кронштадте. Ну-с, пришлось ему как-то в конце шестидесятых годов в Екатеринославской губернии побывать; видит, богатеющая земля: и руда, и уголь каменный, и известняк – все, что только хочешь... Он сейчас в Лондон. Подался к одному тамошнему миллионщику, к другому, к третьему да так дело двинул, что в несколько месяцев огромный капитал собрал... И пошла работа. Это ведь не то, что у нас... Взять теперь вот хоть бессемеровы котлы... У нас в России один мастер до них тогда еще додумался, когда англичанам они и не снились. И что же? Куда он ни лез, везде его на смех подымали с его системой. Так он и бросил эту музыку и спился с горя. Однако... прощения просим. Позвольте вам пожелать всего хорошего. Мне здесь слезать...

Он сошел с «кукушки», а мы продолжали наш путь. Чем ближе подвигались мы к заводу, тем больше и больше разгоралось над заводом огненное зарево. Наконец, когда мы въехали на длинную и довольно крутую гору, перед нашими глазами внезапно открылась такая необычайная, такая грандиозная, фантастическая панорама, что мы невольно вскрикнули от изумления. На всем громадном пространстве, расстилавшемся вдали, рдели разбросанные в бесчисленном множестве кучи раскаленного докрасна известняка. На их поверхности то и дело вспыхивали и перебегали сверху донизу голубоватые и зеленые серные огни...³ На кровавом фоне зарева стройно и четко рисовались темные верхушки высоких труб, между тем как нижние их части расплывались в сером тумане, подымавшемся от земли. Разверстые пасти этих великанов безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смешивались в одну общую, сплошную, хаотическую, медленно ползущую на восток тучу, местами белую, как комья ваты, местами – грязно-сизую, местами желтоватого цвета железной ржавчины. Под тонкими длинными дымоотводами, придавая им вид исполинских факелов, трепетали и метались яркие снопы горящего газа. От их неверного отблеска нависшая над заводом дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала причудливые, странные оттенки. Железные крупные корпуса доменных печей возвышались в центре завода, как башни легендарного замка. Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами; иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз. Время от времени, когда по резкому звону сигнального молота опускался вниз колпак доменной печи, сбрасывая внутрь руду и уголь, то из устья ее, с ревом, подобным грому, вырывалась к самому небу целая буря пламени и копоти. Тогда на несколько мгновений весь завод резко и грозно выступал из мрака, со своими огромными зданиями, бесчисленными трубами, подъемными колесами, торчащими в воздухе... Электрические огни примешивали к пурпурному свету раскаленного железа свой голубоватый мягкий

³ Известковые печи устраиваются таким образом. Складывается из известняка холм величиною с человеческий рост и разжигается дровами или каменным углем. Этот холм раскаляется около недели, до тех пор, пока из камня не образуется негашеная известь. (Примеч. А. И. Куприна.)

блеск. Несмолкаемый лязг и грохот металла вместе с удушливым запахом горячей серы несли с завода нам навстречу.

Казалось, гигантский апокалипсический зверь ворчит там в ночном мраке, потрясая стальными членами и тяжело дыша огнем.

Ни я, ни мой компаньон Б. долго не могли заснуть в эту ночь. Во-первых, из окон гостиницы (конечно, «Европейской»), где мы остановились, была видна вся сказочная иллюминация завода, и мы поминутно вскакивали с постелей, чтобы еще раз на нее поглядеть. А во-вторых, под самым нашим номером, в ресторане, целую ночь довольно скверный оркестрион играл известный романс «Зачем ты, безумная, губишь того, кто увлекся тобой».

Рано утром мы отправились в главную заводскую контору просить разрешения осмотреть весь завод. Нам сказали, что за этим нужно обратиться к управляющему, англичанину. Мы уже не один завод посетили вместе с Б., и, говоря откровенно, испрашивание позволения всегда бывало неприятнейшей частью в наших путешествиях. Правда, мы уже приобрели значительную практику в обращении с «начальством» и были настолько умудрены опытом, что вперед могли сказать, кто как нас примет. Немцы подавляли нас величием своих колоссальных фигур и упорным непониманием самых простых вопросов. Французские инженеры (без исключения евреи) большею частью нам сразу отказывали, и только прекрасный французский язык Б-ова обыкновенно спасал нас, хотя все-таки не избавлял от полицейского глаза проводника. Русские бывали всегда любезны, но только чересчур подробно расспрашивали, кто мы, да откуда, да что нас, собственно, интересует, и в конце концов уже почти дружеским тоном просили нас признаться, по чистой совести, положи руку на сердце, «не корреспонденты ли мы».

Как обращаются с путешественниками «просвещенные мореплаватели», мы еще не знали и были приятно удивлены лаконичной любезностью управляющего. Выслушав нашу просьбу, он показал нам на стулья и сказал:

– Take place⁴.

Потом написал три слова на бланке и, подавая его нам, прибавил:

⁴ Садитесь (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.